

Ю. А. Дмитриев*

ОТНОШЕНИЕ К КОРРУПЦИИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН¹

Как известно, правосознание включает в себя три уровня понимания: обыденное, профессиональное и научно-теоретическое. Попытаемся рассмотреть такое распространенное в нашей стране явление, как коррупция, на всех названных уровнях и предложить возможные меры его изменения. Очевидно, что коррупция в России, несмотря на все усилия, предпринимаемые государством для борьбы с ней, с завидной устойчивостью возрастает количественно и качественно.

Начнем с общей оценки ситуации. На обыденном уровне, по данным Левада-Центра, число россиян, дававших взятки, возрастает пропорционально росту уровня и стоимости жизни: от 13 % в Сибири до 50 % в Москве². Причина не в большей честности и порядочности жителей Сибири, а в их меньшей платежеспособности и хозяйственной инициативе. Таким образом, по динамике роста количества и размера взяток, даваемых российским чиновникам, можно уверенно судить о росте благосостояния граждан и развитии в стране рыночных отношений. По мнению политического обозревателя В. Выжutowича, «коррупция растворена в российской повседневности»³. Причем это не новое для страны явление: еще в Древней Руси были распространены кормления, мздоимство и иные формы нелегитимных денежных и материальных поборов. Обыденное сознание того времени оформило бытовые представления о коррупции в известных пословицах: «не подмажешь — не поедешь», «с сильным не борись — с богатым не судись» и т. д. В современных условиях бытовое отношение россиян к коррупции, по сути, не изменилось, просто изменились терминология и формы. Пришли новые выражения: «откат», «отжим», «посреднический процент», означающие все то же. А сами взятки все реже даются в денежной форме, теперь это квартиры, дачи, акции, туристические поездки, выплаты в «фонды развития предприятия».

Известно, что взяточничество — один из самых латентных видов экономических преступлений. Однако даже оно может быть раскрыто, поскольку, помимо участников сделки, у него могут быть свидетели, экономические следы. Но проблема состоит в том, что в правосознании граждан взятка не является чем-то из ряда вон выходящим. Это «подарок», «благодарность» и прочее. Взятку не обязательно вымогать. Эта ситуация чревата уголовным финалом. Граждане сами несут деньги участковому, гаишнику, управдому и другим рядовым чиновникам. Редко можно встретить службу, где нет нужды давать взятку. Обратите внимание: самые безобразно работающие государственные структуры в стране — «Почта России» и «Сбербанк» с их постоянными очередями и низкой культурой обслуживания. Значит, взятка в бытовом сознании — это стимул развития общества.

© Дмитриев Ю. А., 2007

* заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Академии труда и социальных отношений, главный редактор Независимого научно-популярного журнала «Право и жизнь» (Москва, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор

¹ Доклад на межвузовской научной конференции «Проблемы и пути формирования правового сознания сотрудников пограничных органов ФСБ России» 20 февраля 2007 г.

² См.: Чисть мундиры // Российская газета. — 2006. — 10 ноября. — С. 8.

³ См.: Кормление с должности // Там же.

Отсюда цифры: 67 % граждан полагают невозможным искоренить коррупцию в России и лишь 24 % утвердительно ответили на этот вопрос⁴.

Следующий уровень правосознания профессиональный. Это отношение самих чиновников к коррупции. Разумеется, никто из них добровольно не признает взятки нормальным явлением и не сознается, без весомых внешних причин, в их получении. Хотя попытки их легитимации предпринимались: проект кодекса этики чиновника, так и не принятый Государственной Думой, проект закона, подготовленный Высшим Арбитражным Судом, о регламентации размера подарков чиновникам⁵ и пр. Здесь уровень правосознания и латентности уже другой: создание специальных программ на предмет проверки законодательства на коррупциогенность, создание специальных антикоррупционных комиссий, один из членов которой недавно был пойман в Приморье при получении взятки.

Одной из характеристик отношения к коррупции на профессиональном уровне является то, что первое место в числе получателей взяток, по данным социологических опросов, занимают сотрудники милиции, таможни, правоохранительных органов (52 %), второе — ГИБДД-ГАИ (45 %) и четвертое — судьи и прокуроры (26 %) ⁶. Иными словами, те, кто призван на профессиональном уровне знать, соблюдать и защищать закон. Причем места эти распределились таким образом, на наш взгляд, не по количеству взяток или их размеру, а по числу граждан, сталкивающихся с этими органами. Причем методы борьбы государства с коррупцией эффективными не назовешь. Один из них — повышение зарплаты. Это при том, что 79 % россиян считают, что подобные меры не приведут к желаемому результату, и лишь 13 % уверены в успехе⁷. По косвенным данным можно судить, что повышение зарплаты судей вызвало увеличение размера требуемой ими взятки за разрешение того или иного дела. Уровень коррупции, по оценке первого заместителя Генерального прокурора А. Буксмана, таков, что за год «средний» продажный чиновник может купить себе квартиру площадью в 200 кв. метров⁸. Следовательно, методики выявления коррупционности чиновника есть: уровень жизни, не соответствующий официальному заработку, приобретение дорогостоящих предметов, объектов недвижимости, заграничный туризм. Другое дело, что эти методики не положены на официальный язык закона. Зато антикоррупционное совещание на самом высоком уровне прошло под лозунгом: «Чиновнику — власть, предпринимателю — деньги», который вполне можно трактовать как призыв к коррупции. Такой вывод можно рассматривать как позитивную оценку коррупции на официальном уровне.

В связи с этим необходимо обратиться к научно-теоретическому анализу коррупции в правосознании нашего общества. Еще в своей докторской диссертации автор настоящей статьи назвал сформировавшийся в нашей стране общественно-политический режим «авторитарно-либеральным», то есть с либеральной экономикой и авторитарным государством. Это было в год вступления в силу Конституции, провозгласившей Россию демократическим государством. Прошло 12 лет, и сейчас нашу страну уверенно можно назвать полицейским государством. Не вдаваясь в анализ подробностей, остановлюсь лишь на одном парадоксальном, на первый взгляд, выводе: развитие коррупции — это единственная положительная характеристика государства данного типа. Поскольку, если

⁴ См.: *Конькова Е.* Подкупающие откровения // Российская газета. — 2006. — 8 декабря. — С. 2.

⁵ Подробнее см.: *Кормление с должности* // Российская газета. — 2006. — 10 ноября. — С. 7.

⁶ См.: *Конькова Е.* Указ. работа.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Ни дать, ни взять // Российская газета. — 2006. — 7 ноября. — С. 2.

гражданин не может достичь желаемого результата нормальным, то есть законным путем, он это получает подкупом. Как известно, по оценкам международных экспертов, в рейтинге коррумпированности Россия занимает 126-е место из 159. Нас ставят в один ряд с такими государствами, как Албания, Нигерия и Сьерра-Леоне⁹. Но ни одно из этих государств даже на бумаге не провозглашает себя демократическим. По крайней мере, речь идет лишь о его строительстве¹⁰.

В то же время масштабы коррупции в России таковы, что дальнейший их рост может оказаться разрушительным даже для полицейского государства. Судить об их размерах можно только по косвенным данным. Однако даже по этим, далеко не полным данным, сегодня на подкуп чиновников в России, по оценкам А. Буксмана, тратится 240 миллиардов долларов в год¹¹. Эти цифры сопоставимы с размером федерального бюджета страны. Еще три года назад президент фонда «Индем» Г. Сатаров называл куда более скромную цифру — 36 миллиардов долларов в год¹². Даже с учетом статистических погрешностей можно заключить, что размер коррупционного капитала растет более высокими темпами, чем государственный бюджет, и вскоре превысит, если еще не превысил, его размеры. Это означает, что в «теневой» экономике окажутся большие суммы, чем в официальном обороте, а это уже угроза самой государственности России, какой бы она ни была. Причем эти деньги сосредоточены в руках не бандитов, террористов и иных представителей общеуголовной преступности, а профессионалов, обладающих к тому же и официальной властью.

Итак, динамика роста коррумпированности российского общества обратно пропорциональна динамике демократических преобразований. Рост числа разрешительной документации и процедур, фактический отказ от выборности среднего звена публичной власти, иные антидемократические новеллы в избирательном законодательстве, формирование так называемой вертикали власти, противоречащей принципам федерализма, ограничение властных полномочий субъектов Федерации и местного самоуправления, пресечение различного рода инициатив граждан, неуважение к правам человека со стороны государства — все это, называемое «управляемая демократия», привело к росту коррупции. Отсюда следует вывод первый и очевидный — необходимо восстановить конституционные начала российской демократии в правовой системе и на практике. Конечно, сказать легче, чем сделать, но мы должны понять, что речь идет уже не об отдельных поборах, пусть даже больших, а о системной угрозе утраты суверенитета и превращения в нечто, подобное Сомали.

Вопрос второй: что делать с чиновником? Поражение антикоррупционной кампании, как представляется, состоит в том, что ее организаторы — это часть общей коррумпированной системы. Известно, что биологическая среда может в отдельных случаях саморегенерироваться, социальная же — никогда. По данным начальника Департамента собственной безопасности МВД России Ю. Драгунцова, количество жалоб на поборы милиционеров в процентном отношении возрастает по мере увеличения стажа их работы в органах. Иными словами, более опытные втягивают в процесс молодежь¹³.

Когда В. И. Ленин заменял царскую полицию пролетарской милицией, он не был так уж неправ. Разумеется, автор не призывает к столь же радикальным

⁹ См.: Там же. — С. 1.

¹⁰ См.: Преамбула Конституции Республики Албания от 21 октября 1998 года // Конституции государств Европы. — М., 2001. — Т. 1. — С. 181.

¹¹ См.: Ни дать, ни взять // Российская газета. — 2006. — 7 ноября. — С. 2.

¹² См.: Юргенс И. Не по чину // Российская газета. — 2006. — 29 декабря.

¹³ См.: Чисть мундиры // Российская газета. — 2006. — 10 ноября. — С. 8.

мерам, но полезно напомнить, что Ф. Рузвельт начал реализацию своего «нового курса» с тотальной замены государственных чиновников всех уровней и наступления на теневую экономику путем закрытия банков, заподозренных в «отмывании» капитала. Что касается последнего, то такой процесс у нас, если судить по громкому убийству первого заместителя Председателя Центрального банка А. Козлова, начался, однако о полном выходе банков из «тени» говорить пока рано. Что же касается массовой замены государственных чиновников, то здесь есть два направления: их этапная замена сверху вниз и подготовка новых кадров для нижнего управленческого звена. Если с подготовкой правоохранительных кадров вопрос более или менее решен, то с кадрами для гражданской службы есть проблемы. Схема, действующая сегодня, — это сначала приход человека на государственную гражданскую службу, а затем получение им специального юридического или экономического образования в системе академий государственной службы. Практика порочная в своей основе. Во-первых, человек за взятку устраивается на какую-либо должность, а затем в ускоренном порядке получает необходимые для соответствия ей специальные знания. Нужен иной подход — конкурсный отбор соискателей при поступлении в вуз, высокопрофессиональное обучение в нем специальным знаниям, а затем гарантированное распределение на соответствующие должности. Вся эта работа должна сопровождаться кардинальным сокращением числа государственных служащих на всех звеньях и уровнях.

Наконец, последнее и, пожалуй, самое сложное — это отучить граждан давать взятки. Здесь на помощь могут прийти все те же демократические процедуры. Здесь трудно сказать что-то новое: власть должна быть открыта, прозрачна, любые ее действия, особенно отказы в решении вопросов, должны иметь законные основания, а отказы — судебный механизм обжалования. В этом положительную роль призван сыграть проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, внесенный в Государственную Думу Верховным Судом России 16 ноября 2006 года. Если, конечно, это не обернется очередным предвыборным трюком.

